

Глава 9 Параллельные прямые

Хорошо помню момент, когда я поняла, что “назад пути нет”. Тут надо признаться: когда мы с Диной Корзун только придумали этот концерт, я до конца не верила в серьезность затеи... Мне казалось, это какой-то сон, фантазия. Но вот всё как-то закручивается, совершенно неожиданно все артисты, которым мы с Диной звоним, говорят “да”, и становится ясно, что мы задумали громадное дело и теперь вопрос стоит совсем по-другому: хватит ли у нас сил его повернуть. Реальность проступает передо мной не сразу, постепенно. Я живу в этот момент между Москвой и Берлином, даже больше в Берлине, и мотаюсь постоянно в Москву для того, чтобы с кем-то встретиться, о чем-то договориться, что-то обсудить в связи с концертом; мне кажется, что я бегу какой-то бесконечный марафон, бегу, бегу, но всё равно не понимаю, что меня ждет впереди.

К счастью, концерт согласился принять у себя мой родной театр “Современник”, но нельзя сказать, что всё было легко и просто. Например, в театре тогда еще работал такой “замечательный” директор Леонид Иосифович Эрман, человек-легенда, о котором еще Олег Даль в мемуарах писал: “Был у Эрмана в кабинете, получил страшной силы заряд ненависти к театру «Современник»”. Говорят, Эрман любил повторять: “Сейчас труднее вахтера найти, чем артиста, даже талантливого!”

Важная ремарка: после всех московских терактов в театр со служебного входа можно было войти только по паспорту. Об этом нововведении охрана всех театров знала, а люди, которые в них

приходили, нет. Разумеется, ничего об этом новом правиле не знали артисты, которых мы пригласили. По-моему, я и сама про то, что надо носить с собой паспорт, узнала только в день концерта. А день этот выглядел так: приходит Макаревич с гитарой к служебному входу, а вахтер, по указанию Эрмана, его не пускает. Макаревич настаивает, прибегаю я и тоже настаиваю: “Это же Андрей Макаревич, он пришел на наш концерт!” Вахтер звонит Эрману, тот говорит: “Нет, без паспорта ни в коем случае не пускать”. Тогда я бегу к Эрману на четвертый этаж и говорю ему: “Леонид Иосифович, ну как же так, это же целый Макаревич пришел к нам на концерт, а его не пускают!” Он: “Да что же вы молчали-то! Макаревич! Конечно, пропустить!” Я радостно бегу вниз, но когда добегаю, вахтер как раз кладет трубку со словами: “Леонид Иосифович, поняла вас, не пропускать”. Поднимает на меня глаза: “Эрман велел не пропускать”. Я опять бегу к Эрману, опять слышу: “Ну что же, конечно, пропустить!” И опять вижу вахтершу, которая с понимающим видом кладет трубку. Так повторялось раза три или четыре, пока, в конце концов, я не ворвалась в кабинет к Эрману и не закричала: “Если вы не прекратите это сию же секунду, мы отменим концерт, объявим везде, что театр «Современник» саботирует благотворительное мероприятие, и всё!” Макаревича пропустили. И больше история с пропусками не повторялась. Но стало не намного легче: артисты приезжают, возникают вопросы, которые непонятно как решать. Идет саундчек, не хватает гримерок, не хватает мест на парковке перед “Современником”, у нас нет никакой профессиональной команды, даже волонтеров еще не было! Зато есть безумная затея собрать деньги на облучатель крови для Российской детской клинической больницы.

Самого концерта я не помню. Но помню, когда всё кончилось, мы собрались у Галины Борисовны, и уже было понятно, что мы не просто собрали деньги на облучатель крови, мы, кажется, собрали намного больше денег, чем требовалось. А главное: столько людей, которые существовали сами по себе и не думали, наверное, что могут быть полезны, так горячо откликнулись, так с душой рванули в наше дело... Никогда — ни до, ни после — я не испытывала такой гордости за свой цех, за людей своей профессии.

В общем, стоим мы в кабинете у Волчек без ног, без рук, без голоса и без сил, кажется, что-то выпиваем. И вдруг Гармаш предлагает: “А давайте-ка на будущий год устроим такой же концерт?” И мы с Диной стекаем по стене: какой такой же концерт, какой будущий год? Мы еще один концерт просто не переживем! **ЧУЛПАН ХАМАТОВА**

ГОРДЕЕВА: Знаешь, ужасно интересно наблюдать, как в жизни ровно по тем математическим законам, которым нас учили в школе, параллельные прямые пересекаются только в пространстве, а на плоскости — так и остаются прямыми. И когда твой мир делается объемным, другим, не таким, как ожидалось, ты пересекаешься с теми, с кем не должен был или не мог встретиться, если б оставался на месте и довольствовался тем, что есть.

Мне кажется, в жизни всё именно так и устроено: мы прикладываем какие-то усилия, раздвигаем свои горизонты для того, чтобы иметь счастье встретить новых людей и принять новые вызовы. И уже вместе идти отвечать на эти вызовы, что-то делать, чтобы открыть другие горизонты. И так — до бесконечности.

Если же попробовать встроиться в твою хронологию, то в тот момент, когда ты добегаешь свой марафон, я знакомлюсь с Галиной Анатольевной Новичковой. Точнее, сама Галина Анатольевна, как это с ней обычно бывает, стремительной походкой вбегает в мою жизнь. Она просто-напросто приходит на НТВ, на восьмой этаж в информационную редакцию, в кабинет к главному редактору — Татьяне Митковой. Уж не знаю, каким образом Новичкова с Митковой познакомились. (Насколько я помню, они сошлись на почве страстного увлечения большим теннисом.) В общем, в один прекрасный день Новичкова пришла к нам на НТВ и стала выпытывать у Митковой, какой корреспондент в “Новостях” самый равнодушный. Миткова вызвала меня. Говорит: “Вот доктор, вы с ней, —

Миткова со всеми всегда на «вы», — поговорите, там нужна какая-то помощь”. А я уже “инфицирована” волшебной силой телевидения, которое умеет решать проблемы.

Я хорошо понимаю, на что оно способно, в чем его сила и магия: это огромный рычаг влияния, с помощью которого можно и нужно менять мир. Я это поняла, когда сделала несколько первых сюжетов, как я их называла, “прямого действия”. Это были сюжеты о детях, которым помогал фонд “Детские сердца”, эфирные выпуски гоняли их целый день. Внизу была бегущая строка — расчетный счет пациентов, координаты фонда.

ХАМАТОВА: Так тогда собирали деньги?

ГОРДЕЕВА: Именно так: на расчетные счета пациентов. Это была дикая морока: переписать без ошибок все эти цифры и буквы. Для зрителей, вероятно, отдельной морокой было успеть переписать всё с экрана.

Представляешь, недавно одна мама, мама мальчика Артёма, одного из героев моих первых сюжетов “прямого действия”, которому в две тысячи пятом или шестом году был нужен кардиостимулятор, написала мне письмо. В письме — фотография: Артём — высокий, красивый, улыбающийся, в день окончания университета. Я рассматривала эту фотографию, наверное, час. Прошло больше десяти лет. Но я вдруг вспомнила квартиру, в которой Артём с мамой жили очень скромно, я бы сказала — бедно, все деньги тратились исключительно на лечение Артёма и на его образование: он увлекался программированием. Глядя на фотографию взрослого, страшно симпатичного Артёма, я вспомнила десятилетней давности полные ужаса глаза его мамы, которая плакала только тогда, когда Артём не видел, а входя в комнату к сыну, как-то подбиралась, улыбалась и всё время твердила о будущем, о поступлении в университет. Надо было только поставить Артёму новый кардиостимулятор, каких не делали в России, а делали в Германии. Для этого были нужны деньги, а значит — сюжет, с помощью которого деньги можно было бы

собрать. Сюжет вышел, деньги собрали. И всё сбылось. Невероятное ощущение. Как будто я прожила и их жизнь тоже.

ХАМАТОВА: Сюжет прошел потому, что его сделала ты.

ГОРДЕЕВА: Пусть так. Но все эти годы я не вспоминала в таких подробностях ни этот сюжет, ни другие.

Почему-то из всей эпопеи с первыми благотворительными сюжетами запомнилось только, как после очередного эфира в моей жизни вдруг появился очень характерный для тех времен человек по имени Максим. Двухметрового роста. В жмущем пиджаке, остроносых ботинках и с золотой цепью крупного плетения. Он привез деньги в коробке. Точнее, вначале он позвонил в секретариат НТВ и был, видимо, настолько убедителен, что ему дали мой мобильный телефон. Он коротко сказал: “Я Макс. Видел там этот ваш сюжет про детишек. Могу помочь. Бабки я подвезу. Если кровь нужна, ребята тоже подъедут”. Но фонду “Детские сердца” не нужна была кровь, только деньги на кардиостимуляторы. И мы договорились с этим Максимом встретиться у метро ВДНХ и отвезти деньги в фонд. В фонде, помню, всё переживали, что угостить будет нечем: ничего, кроме чая и печенья, нет. Но угощение не понадобилось: Макс открыл багажник, вынул оттуда коробку денег, отдал нам с Катей Бермант, директором фонда, и исчез. Потом я ему перезванивала, предлагала поблагодарить по имени в эфире НТВ, сделать, так сказать, воспевающий его доброту сюжет. Он отрезал: “Ты чё, похоронить меня хочешь?” Тут я поняла, что другого шанса, может, и не будет, и спросила: “А почему вы решили помочь?” Ответил: “Да у меня сын родился, третий. Я раньше, как рождался кто-то, церковь строил. А потом решил, что попы и так справятся”. Напоследок он еще раз предложил помощь своих “здоровых ребят”, если нужна будет кровь.

ХАМАТОВА: Ты просто еще не знала о детях с лейкозом.

ГОРДЕЕВА: До знакомства с Новичковой — не знала. Но она пришла на НТВ и настояла, чтобы я “просто приехала с камерой в больницу и посмотрела”.

Эту съемку я помню очень хорошо, она перевернула мою жизнь.

Смешная деталь: я взяла с собой в больницу в качестве подарков дурацкие кружки, майки и брелоки с логотипом НТВ — такая у телекомпании в то время была промопродукция, венцом которой считалась водка НТВ с золотой стружкой. Обычно мы такое брали с собой в командировки, и люди радовались. Видимо, я подумала, что в больнице тоже обрадуются. И потащила с собой всё, кроме водки.

ХАМАТОВА: Они обрадовались?

ГОРДЕЕВА: Непонятно. Они с благодарностью принимали мои подарки. Но, думаю, скорее из вежливости.

Знаешь, до этого я была и в Чечне, и в Узбекистане, и в Афганистане. На съемках, связанных с терактами и катастрофами. Но онкологическое отделение Российской детской клинической больницы на меня произвело ни с чем не сравнимое впечатление, имевшее долгие последствия и сильно изменившее меня. Я пыталась понять почему. И пришла к выводу: с одной стороны, от осознания безнадежности положения и масштабов страдания детей, которые месяцами лежат в четырех стенах, часто без родных и близких и еще чаще — из-за отсутствия лекарств и денег — без особой надежды на выздоровление. С другой стороны, меня поразило то, что помочь этим детям несложно и сделать это можно быстро: найти денег, найти тех, кто сдаст кровь, и самой сдать. И, тем самым, дать шанс. Меня это прямо окрылило и как-то разбудило. Мысль об участии в помощи этим детям, о способах, которыми лично я могу оказать помощь, пришла во время съемки.

Помню: я хожу с оператором по палатам, раздаю эти кружки-майки-брелоки, снимаю детей, говорю с ними, с их мамами. И никак не могу поверить, что для их выздо-

ровления нужны такие простые вещи: какие-то чертовы деньги, кровь и лекарства. Я возвращаюсь на работу. И не выхожу оттуда трое суток. Практика на телевидении обычно какая: ты делаешь сюжет, и его крутят целый день все выпуски. Я решила сделать по сюжету на каждый выпуск. Мне было важно показать каждого ребенка, с которым я познакомилась в тот день.

ХАМАТОВА: Ты всё-таки чокнутая.

ГОРДЕЕВА: Мне казалось, что это даст шанс собрать деньги каждому из них. И что я не имею права выбирать — про кого показывать, про кого нет. Потом про этих и про других детей, с которыми мы познакомились уже на следующий день в РДКБ, я пишу огромный пост в ЖЖ. Обо всем рассказываю, прошу деньги, но не называю точные суммы и точные диагнозы: мне кажутся неважными подробности, касающиеся детей, о которых я пишу. “Деньги же всё равно соберутся, они там сами купят всё, что надо”, — думаю я. И оказываюсь внутри чудовищного скандала. Мне звонит Антон Носик, мой давнишний друг, человек, создавший практически первый в России благотворительный ресурс *Potogi.org*. “Сейчас тебя разорвут на куски, — чуть ли не весело сообщает Носик, — но они правы: в болезни и жизни того, кто болеет, неважных подробностей не бывает: ты же просишь у людей деньги! В общем, держись. Я всем сказал, что ты хорошая, хоть и работаешь на НТВ. И, кстати, это я им дал номер твоего телефона”. У меня начинают дрожать руки. Едва успеваю положить трубку, раздаётся звонок вначале от Кати Чистяковой*, а потом от Гали Чаликовой**.

ХАМАТОВА: Они тебя “рвут на куски”?

ГОРДЕЕВА: Как тебе сказать. Они пытаются понять, почему я написала так, а не иначе. При этом ни с одной из них я не

* Екатерина Константиновна Чистякова, в 2011–2018 гг. — директор фонда “Подари жизнь”.

** Галина Владиленовна Чаликова, сооснователь и в 2007–2011 гг. директор фонда “Подари жизнь”.

знакома. Но, видимо, Носик действительно убедил их, что я — не исчадие ада, потому что разговаривают Катя и Галя со мной очень трепетно и очень доходчиво. Но очень твердо. Они объясняют, почему нельзя просить суммы, про которые не знаешь, из чего они состоят, зачем точно знать диагноз и как вообще должна звучать просьба о помощи. Они объясняют мне, что благотворительность должна быть прозрачной, иначе она не сможет быть долговечной. И еще, что за каждую попрошенную и пожертвованную копейку тот, кто просит, будет обязан отчитаться. Это был огромный урок на всю жизнь. Чистякова присылает мне ссылки на свой ЖЖ, на разные истории про сборы на детей и рассказывает про группу “Доноры — детям”, с которой отчасти и начнется со временем наш фонд “Подари жизнь”. Потом мы встречаемся с Катей на моей следующей съемке в РДКБ, я снимаю доноров крови, рассказываю о том, как это просто — сдать кровь. И как это важно для лечения детского рака. А с Галечкой мы очно не знакомы, но почти год разговариваем по телефону, неожиданно в этих разговорах становимся близкими телефонными подругами. У Чаликовой такой молодой голос, что я легко перехожу на “ты”. Спустя год выяснится, что все, кроме меня, с ней на “вы”. Но отступить уже некуда. Да, кстати, после сюжетов о детях и их продолжении — сюжете о донорстве крови, мне звонит Новичкова и командным голосом сообщает, что мне необходимо взять интервью у Чулпан Хаматовой, а с Митковой она сама договорится. Ни о чем интервью, ни к чему оно, Новичкова не объясняет. Мы с тобой по телефону назначаем встречу. Я, разумеется, трепещу.

ХАМАТОВА: А я — страшно тебя боюсь. Ты такая звезда телевидения, судя по экрану, жесткая, холодная молодая женщина. К тому же ты опоздала.

ГОРДЕЕВА: Да.

ХАМАТОВА: Сейчас я знаю, что ты опаздываешь в девяносто девяти случаях из ста. Но тогда я стояла, ждала тебя и уны-

вала: она не приедет, потому что вся эта наша история никому не интересна. И ей тоже. Но ты приехала. У тебя была большая черная машина, я запомнила.

ГОРДЕЕВА: Ты этого не могла видеть! Я к тебе бежала по бульвару и сто раз позвонила, извиняясь. И, когда подбегала, вначале не поверила, что ты — это действительно ты. На ступеньках ротонды у театра стояла маленькая девочка с всклокоченными волосами и курила. И первое, что ты сказала: “Вы, наверное, запишете и ничего не покажете, потому что Кулистиков ваш тоже ничего не показал”.

ХАМАТОВА: Это я на всякий случай защищалась. А потом мы перешли через бульвар и сели в твою большую черную машину, и я немного успокоилась: у тебя там внутри был какой-то такой понятный бардак, что стало легче на душе: журналист НТВ — тоже человек. Но скажи мне тогда кто-нибудь, что ты станешь моим самым близким другом, я бы рассмеялась. Я ехала на это интервью с тобой, как на пытку. Такая молодая наглая телевизионная журналистка.

ГОРДЕЕВА: Я не хамила!

ХАМАТОВА: Нет, ты не хамила, но это же не важно, что ты делала. Ты в моем сознании — вот эта журналистка из телевизора, с ярко-зелеными глазами и готовыми ответами на все вопросы. Зачем тебе мои ответы? Я была уверена, что ты не знаешь, о чем мы будем говорить, ты не готова к этому разговору. И тебе всё равно. Ты просто везешь меня в машине на другую сторону Бульварного кольца, потому что там лучше точка для съемки. И это — единственное, что тебя волнует. Мы действительно переехали на другую сторону. Там уже стоял твой оператор. И мы начали разговаривать. Вернее, я начала. Я попыталась сразу тебе высказать всё, что придумала, чтобы ты не могла меня остановить.

ГОРДЕЕВА: Тогда были тридцатиминутные кассеты *Betacam*. И на твоё интервью у нас кассеты не хватило. Я отпустила оператора, он повез кассету в Останкино. А мы сели уже нормально курить на скамейке. Ты стала спрашивать

про концерт. Я рассказывала тебе, как выходила плакать на улицу, потому что мне было неловко плакать в зале. И про то, что я была в больнице. И про то, что не знаю, что мы можем сделать, но мы должны сделать всё, что только возможно.

ХАМАТОВА: В это сложно поверить: встретились два совершенно разных мира, которым не положено было встречаться, симпатизировать друг другу и иметь общие цели. Мне казалось уже тогда, что телевидение настолько снобистское, настолько зацикленное на себе, что его ничего не может взволновать, кроме этого дурацкого рейтинга. Телевидение, которое не показало наш концерт.

ГОРДЕЕВА: Послушай, с точки зрения телевидения того времени, такое событие как концерт не считалось уникальным, это раз. Два — никто еще не умел рассказывать простые истории жизни и смерти. Все только осваивали жанр рассказа о разводе, измене и о чем-то, что у звезд под юбкой. Сложных тем продюсеры боялись, потому что черт его знает, как это будут смотреть. А если не будут, значит, отвалится рекламодатель, утекут деньги. Гуманитарная и интеллектуальная революция для телевидения — дорогое дело.

ХАМАТОВА: Ну ведь были какие-то благотворительные марафоны. Кому-то там собирали деньги, это же показывали?

ГОРДЕЕВА: К этому времени никаких марафонов уже не было. Последний благотворительный марафон в прямом эфире вел Миша Козырев в пользу жертв “Норд-Оста”. Потом с прямым эфиром и благотворительностью на телевидении было надолго покончено.

ХАМАТОВА: Значит, я неверно себе всё это представляла. Мне казалось, телевидение любит звезд, оно за ними гоняется. Здесь — вот тебе, все звезды пришли сами, как на ладони, снимай — не хочу. А оказывается — нет; не всегда, не во всех случаях... Кстати, когда вышел твой сюжет, что-то зашевелилось, нами кто-то заинтересовался. Видно, не так уж безнадежно было говорить на эти темы...

ГОРДЕЕВА: Сюжет был о том, что вы провели концерт, которого никто не видел, но собрали на нем деньги и на облучатель крови, и даже больше, но главная цель концерта — облучатель — стоит нераспакованным в темном предбаннике РДКБ. Потому что у государственной больницы нет помещения для аппарата стоимостью в двести пятьдесят тысяч долларов. И нет никакого интереса этот аппарат устанавливать и налаживать. Это нужно больным детям, их мамам и врачам-фанатикам. То есть не история о том, какие хорошие звезды собрались на концерт, а некоторый социальный уже поворот, согласись.

В этом сюжете, кстати, я впервые рассказала о задумке наших врачей: красивой, напичканной новыми технологиями суперсовременной клинике для детей с онкологическими и онкогематологическими заболеваниями. Во время съемок мы на пустыре перед РДКБ скакали с Галей Новичковой и Лёшей Масчаном. Они размахивали руками, описывая воображаемую клинику. А я пыталась не ошибиться в кадре, произнося вот это вот непроизносимое тогда для меня словосочетание: детская гематология, онкология и онкогематология.

ХАМАТОВА: Сейчас от зубов отскакивает.

ГОРДЕЕВА: Скажу тебе честно: я говорила этот текст, я сделала сюжет, следом еще несколько, я стала ездить в больницу, потому что подружилась на съемках с некоторыми детьми и родителями, а в каждый приезд в больницу обрастала новыми знакомствами и новыми поводами приехать. Но я ни одной секунды не верила, что всё это сдвинется так масштабно! Я представляла себе, что мы так и будем бороться с ветряными мельницами системы и чужого равнодушия, отсутствием денег и недоступностью технологий. Это, скорее, было как в школе: тебе говорят, что надо всем помогать, ты помогаешь, но это локальная, твоя личная задача. Глобально всё остается как прежде.

ХАМАТОВА: А мне никогда и не нравилось помогать в школе. Для меня это была общественная нагрузка. Так нас, види-

мо, школа воспитала. Как это называлось-то? Шефствовать! Мы, кто хорошо учился, шефствовали над двоечниками. И меня это бесило: почему я должна за этим двоечником следить, почему меня вообще должны волновать его успехи или неуспехи? И почему мне попадет, если у подшефного не выучено какое-нибудь задание? Почему я должна тратить время на то, чтобы после уроков догнать своего двоечника и усадить его за уроки?

И это меня страшно раздражало. Как и необходимость не по собственному желанию, а по разнарядке спасать каких-то старушек и ветеранов, которые, кажется, тоже ненавидели это пионерское усердие. Это отвращение к обязательности шефства, помощи, которая идет не от сердца, а по приказу, у меня перенеслось на всю мою последующую жизнь.

ГОРДЕЕВА: Человек, который это говорит, стал учредителем благотворительного фонда!

ХАМАТОВА: Фонд организовала команда единомышленников. Мы никого туда насильно не затащивали. У нас была задача: победить равнодушие, бедность, непросвещенность и, в конечном итоге, смерть. Потому что умирали-то дети, которых можно было спасти! И все вокруг, казалось, с этим согласны и защищаются, делая вид, что ничего ужасного рядом с ними не происходит. И это, Катя, было самое чудовищное.

Вот в этот прекрасный или ужасный, но уж точно необыкновенный момент времени в одной точке чудесным образом встретились все мы, люди, которые вне зависимости от своей профессии готовы были сделать всё возможное, чтобы ситуация поменялась. Сильно отличается от причинения добра по разнарядке, правда?

“Вы будете виски?” — рядом со мной в гостиничной курилке возникает девушка в сером плаще и красной шапке. Девушка очень серьезная. Про виски она спрашивает так, будто речь идет о спасении

человеческой жизни. В каком-то смысле так и есть. Это 2007 год. Мы в Лондоне. Я сопровождаю команду детей, бывших подопечных фонда “Подари жизнь”. Это — наши первые выздоровевшие дети, которых мы показываем посторонним, которыми боязливо хвастаемся. Сегодня утром эти дети были на футбольном поле, где российские звезды, вперемешку спортсмены и музыканты, играли в футбол с английскими звездами — спортсменами и музыкантами. В перерыве Володя Крестовский из *UMA2RMAN* всунул мне в руку 500 евро — я такую купюру вижу впервые в жизни — и пробормотал скороговоркой: “Вы же сообразите, кому они нужнее”.

Вечером благотворительный бал и аукцион: старинная гостиница, светская публика. И отряд наших детей: обыкновенные любопытные подростки, стесняющиеся говорить о болезни. О каждом из них со сцены говорят Чулпан Хаматова и Дина Корзун. Это — первый наш заграничный сбор денег, и все страшно волнуются.

Мне поручено увезти ребят с аукциона не позже 21:30, доставить в гостиницу и положить спать. Конечно, в такое детское время никто из детей ехать не хочет, мы немного препираемся, но к одиннадцати вечера я, наконец, развожу всех по гостиничным номерам, выдыхаю, на секунду пугаюсь, что потеряла деньги Крестовского, но тут же их нахожу. Нервно закуриваю. И тут — девушка с серьезным лицом и стаканом виски. “Ангел”, — думаю я. “Ольга”, — представляется она, и мы садимся под единственный раскрытый зонтик: на улице, как и положено в Лондоне, льет проливной дождь.

Дождь льет, люди бегут мимо, прикрывшись куртками и ладонями, машины проезжают, обдавая людей растекшимся по земле дождем — уже снизу, потом и людей, и машин становится меньше. Под утро и дождь устает. И перестает. Надо же, мы проговорили всю ночь.

Утром, уже в самолете, рассказываю Чулпан: вчера вечером у гостиницы я познакомилась с девушкой-ангелом, ее зовут Ольга. “Это же великая Павлова, — делает круглые глаза Чулпан, — ты не знала? Я полгода ждала, когда она ответит мне на письмо”.

Фотограф Ольга Павлова в 2007-м живет и работает в Лондоне. Снимает для *Vogue*, *L’Officiel*, *Harper’s Bazaar* и других самых модных журналов.

И ей, как модному фотографу прогрессивных взглядов, Чулпан пишет письмо с просьбой поснимать детей в больнице: “Нам очень нужны хорошие и светлые фотографии, с их помощью мы могли бы убедительнее рассказывать о детях, которым нужна помощь. У фонда нет денег на оплату фотографов, да и работа эта такая, что требует иной вовлеченности, чем просто профессиональный интерес; мы ищем волонтера. Может быть, вы могли бы найти время и приехать в больницу?”

Никакого ответа от модного фотографа, однако, не приходит.

Чулпан ждет и ждет, уговаривая себя, что это было слишком смело: вот так, внаглую, без посредников и поддержки общих знакомых писать такому серьезному и занятому человеку, как фотограф Ольга Павлова. Потом Чулпан отчаивается, а потом и вовсе перестает ждать ответа. Через полгода, прибежав к кому-то из детей в РДКБ, Чулпан нос к носу сталкивается с модным фотографом Павловой. Та теперь в маске, шапочке и халате: лежа на животе посреди коридора, сидя на корточках за тумбочкой, из-под кровати, в шкафу, на перевязке, где угодно, — Павлова фотографирует детей. “Я... Я же вам писала”, — в некотором изумлении бормочет Чулпан. “Вы — мне?” — с не меньшим изумлением отвечает Оля. Разумеется, никакого письма она от Чулпан не получала. Просто потому, что Чулпан, написав, так разнервничалась, что забыла свое письмо отправить. Полгода оно провалялось в неотправленных. Мы потом отыщем его в компьютере Чулпан и как следует посмеемся.

К этому моменту в фотоархиве фонда уже будет полно Олиных снимков: например, где мы все вместе сдаем в “Современнике” кровь для создания первого в России реестра доноров костного мозга. Чулпан Хаматова, Дина Корзун, журналист Валерий Панюшкин, за него через несколько лет Оля выйдет замуж и родит одного за другим детей — Веру, Надю и Петю. Все мы сфотографированы Олей из-под стола. Увековечив тот день, сама она осталась никем не замеченной.

Кроме хроники первых лет жизни фонда, в Олином архиве полно чрезвычайно неожиданных для того времени фотографий: ребенок в кадре светел и спокоен, как правило, он или смеется,

или занят каким-то своим обычным делом. Да, на нем может быть маска, сам он — лысый, а из подключичного катетера тянется трубочка капельницы. Но на это не обращаешь внимания. Потому что человек в кадре — светится. И живет. И собирается непременно жить дальше. В 2007-м такое, недраматичное, но спокойное и светлое отношение к онкологическим пациентам, тем более к детям, было без преувеличения революционным.

Тогда никто из нас не знал, что Оля стала фотографом, пройдя через все круги рака: едва окончив экономфак Московского университета, заболела лимфомой Ходжкина. Операция. Химиотерапия. Выздоровление. Рецидив. Химиотерапия, облучение и долгое-долгое лечение, во время которого она передумала становиться бухгалтером, решила стать фотографом. Иногда она шутит, что поправилась исключительно для того, чтобы поехать учиться в свой любимый Лондон и встретить там нас.

Но правды про свою болезнь — ни во время съемок Чулпан для модного журнала, ни в больнице — Оля никому не открывает. Не скажешь же при первом знакомстве: “Привет, кстати, у меня тоже был рак”. Хотя иногда героям своих съемок Павлова именно так и говорит. И надо видеть лица этих героев! Оля как раз видит и быстренько фотографирует, добавляя, что рак кончился, а жизнь после него оказалась прекрасна: две дочери и сын, муж, работа и мы — ее подруги, несколько раз в прошлой жизни прошедшие друг мимо друга.

Я знакомлюсь с ней в 2007-м, Чулпан на полгода раньше.

Втроем мы дружим уже двенадцать лет. В современном мире история немислимая: фотограф, артистка и журналистка. Но нам повезло: жизни наши намертво сцепились в тот период, когда у каждой привычный круг друзей исчез, сам собой растворился. Уходили близкие и не очень: те, кто не был готов слушать душераздирающие рассказы о детях, лежащих в больницах, о героических врачах, их спасающих, о смерти и о любви в четырех больничных стенах. Они уходили, мы оставались. И продолжали дружить. Такой подарок.

Мы родились одна за другой: 1975-й, 1976-й и 1977 год. И иногда спрашиваем друг у друга возраст, чтобы вспомнить, кому

сколько лет. На троих у нас десять детей, десять тысяч дел и еще десятки тысяч историй, которые, собственно, и есть наша жизнь. И наша книга.

Один вклад в эту книгу — фотографии, без которых всё, о чем мы говорим — наша история и история “Подари жизнь”, — было бы непредставимо. **КАТЕРИНА ГОРДЕЕВА**